

Хотен Блудович (5)

Во стольнѣм во городи во Киеви
А у ласкова князя-й у Владимирера
А ишше было пированьицо, бал, почесьѣн стол
А про тех же про князей, про бояров,
А про рускиих могучиех богатырей,
А про тех поленицей приудалых,
А про тех же казаков со тиха Дону,
А про тех же калик было перехожие,
А про тех же хресьянушок прожитосьних.
А на етом на пиру дак было две вдовы:
А перва вдова — Овдотья Блудова жена,
А как втора вдова — Офимья Цюсова жена.
Наливала Овдотья чару зелена вина,
Подносила Офимьи да Чусовой жены,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
А ишше есь у мня Хотенушко сын Блудовиць,
Ишше есь у тя Чайна прекрасная, —
А не дашь ле ты ей дак за его взамуж?»
Ишша это Офимьи-то за беду стало,
За великую досадушку показалосе:
Она вылила чару к ей на белы груди
И облила у ей портишшо да в петьсот рублей,
И сама говорила да таковы слова:
«А отец-от у тя дак было — Блудишшо,
А и сын-то родилосе уродишшо,
А уродишшо родилосе — куря подслепое!
А на коей же день ведь зерьяня грянет же —
А на тот же ведь день да куря сыт живёт.
А на коей же день зерьяня не грянет же —
А на тот же день дак куря голоден!»
А ишше это Овдотьи-то за беду стало,
За великую досадушку показалосе —
А пошла-де Овдотья-та со чесна пиру,
Со чеснаго-де пиру она княжевского.

Да идёт она, Овдотья, дак по-й улицы.
Как завидял Хотенушко сын Блудович,
Он стрецяёт свою маменьку родимую:
«Уж ты ой еси, маменька моя родимая!
Уж ты що же идёшь ты со чесна пира,
Со чесна пира идёшь ты невесёла:
Ты спустила свою буйну главу дак со могучих плець,
Потопя свои оци дак в матушку сыру в землю?
А ишше пьяница над тобой ли посмеяласе?
А безумница над тобой ли поругаласе?
Ишше пивным ковшом тибя ли обносили?
Али чарой зеленой тебе не в доход дошли?»
Говорит ему маменька родимая:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовиць!
И не пьяница надо мной и не смеяласе,
Не безумница надо мной да не ругаласе,
А и пивным ковшом меня не обносили,
А и цярой зеленой меня не обходили.
Да была на пиру да молода вдова,
Кабы на имя Офимья Чусова жена;
А наливала я чару зелена вина,
Подносила Офимьи Чусовой жены,
А сама я говорила да таковы слова:
„Ишше есь у мя Хотенушко сын Блудовиць,
Ишше есь у тя Чайна прекрасная —
А не дашь ли ты ей дак за его взамуж?“ —
А-й ишше ето Офимьи за беду стало,
А за великую досадушку показалосе:
Она вылила чару-ту ко мне на белы груди,
Облила у мя портишшо во петьсот рублей,
А сама говорила да таковы слова:
„А отеч у его ведь было — Блудишшо,
А и сын-от родилсэ всё уродишшо!
А на кóей же день дак зерьяня грянет же —
А на тот же день дак куре сýт живёт.
А на которой же день зерьяня не грянет же —
А на тот же день ведь дак куря голодён!“»
Ишша это Хотенушку за беду стало,
За великую досадушку ему показалосе:

Розгорело у Хотенушка ретиво серцо,
Закипела у Хотенушки кровь горючая,
Росходилисе его дак могучии плеча.
А пошол-де Хотенушко на конюшин двор;
Он и брал-де коня дак себе доброго,
Он брал-де, седлал да он седёлышком.
Он скоцил-де, Хотенушко, на добра коня,
Он поехал по городу по Киеву.
Он доехал до дому да-й до Чусового —
А он ткнул-де копьём дак в широки ворота,
Он унёс-де ворота да среди двора.
Тут выглядывала Чайна прекрасная,
А сама говорила дак таковы слова:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовиць!
А отец у тебя ведь было — Блудишшо;
А и ты-то родилосе уродишшо,
А уродишшо родилось — куря подслепою!
А на коей же день ведь зерья грянет же —
А на тот же ведь день да куре сыт живет.
А на коей же день зерья не грянет же —
А на тот же ведь день да куря голоден!..»
А ишше это же Хотенушку за беду стало,
За великую досадушку ему показалосе:
Он шиб-де-ка палицей свуей буёвою,
Он шиб-де-ка нонице во высок терем,
Он шиб-де-ка терем-от по окошечкам, —
Тут едва-де ведь Чайна за лавку да увалиласе.
А как идёт-де Офимья-та со чесна пиру,
Со чеснаго пиру идёт княжевсково;
А сама говорыт да таковы слова:
«Кажись, не было не бури и не пáдеры, —
Всё-то моё домишшечко розвоёвано!..»
А как стречает ей Чайна прекрасная
И сама говорит дак таковы слова:
«Уж ты ой еси, маменька родимая!
Приежжал-та Хотенушко сын Блудовиць, —
Он ткнул-де копьём дак в широки ворота,
Он унёс-де ворота да среди двора.
А выглядывала я, Чайна, за окошечко,

Я сама говорила ему таковы слова:
„А ой еси, Хотенышко ты сын Блудовиць!
А отец-от у тебя ведь было — Блудишшо;
А ты-то родилосе уродишшо,
А уродишшо родилось — куря подслепоё!”
Он шиб-де палицей во высок терем,
Он шшиб где-ка терем по окошечкам, —
Я едва же ведь, Чайна, да лавку увалиласе!..»
А ишша это Офимья-то за беду стало,
За великую досадушку показалосе.
Тут пошла-де Офимья ко князю ко Владимиру,
А сама говорила таковы слова:
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
Уж ты дай-ко мне право на Хотенушка!»
Говорыт ей Владимир стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
Ты найми-ко-се силы да хоша тысецю
(А у етой вдовы да было деветь сынов!),
А уж ты трёх сыновьей — да-й воёводами,
А посылай-ко-се их да во чисто полё!»
А тут пошла-де вдова, наняла силу-тысящу,
Она трёх сынов — дак воеводами.
А поежжают-де дети, сами плачут же:
«Уж ты ой еси, маменька наша родимая!
Не побить нам Хотенушка на чистом поли!»
Как пошла-де всё силушка Чусовая...
Как завидял Хотенушко силу на чистом поли —
Он приехал-де ко силушку ко Чусовое,
Он сам говорил да таковы слова:
«Вы охвоця ле сила или невольня?»
Отвечаёт тут силушка великая:
«Мы охвоця же силушка наёмная!»
Тут зацял Хотенушка по силушки поежживать:
Он куда не приедёт — дак улицей валит,
Он назад отмахнёт, дак тут — плошшадью.
Он прыбил-де всю силушку до единого.
Он трех сыновьей дак всё живком схватил,
Он живком их схватил дак волосами связал,
Волосами связал — церез коня бросил:

Он привёл-де братьей ко белу шатру.
Как ждала Офимья силушку из чиста поля —
Не могла она дождацьсе силы из циста поля.
Наняла сходила силушки две тысеци,
Он[а] трех сыновьей — дак воеводами.
Поежжают же дети, сами плачут же:
«Не побить нам Хотенушка на чистом поли!»
А пошла-де ведь силушка во чисто полё.
И завидял Хотенушко силу во чистом поли —
Он поехал-де ко силушки ко великоей.
Он приехал-де ко силушки великоей,
Он сам говорил да таковы слова:
«А охвоця ли силушка или невольня?» —
«Мы охвоця же силушка наёмная!»
Тут зачал Хотенушко по силушки поежживатьь:
Он куда не приедёт — дак улицей валит,
Он назадь отмахнет, дак тут — плошшадью.
Он прыбил-де ведь силушку до единаго.
Он трёх да братьей живком схватил,
Он живком их схватил, волосами связал,
Волосами связал — цезез коня бросил:
А привёз-де братьей ко белу шатру.
Тут ждала Офимья силушку из циста поля —
Не могла она дождацьсе силы из чиста поля.
Наняла сходила силушки тры тысици,
Она трёх сыновьей — дак воеводами.
А пошли-де ведь дети, сами плацют же:
«Не побить нам Хотенушка во чистом поли!»
Как завидял Хотенушко силу на чистом поли —
Он поехал-де ко силушки ко великое,
Он спрашивал у силушки великое:
«Вы охвоця ли сила или невольня?»
Отвечаёт-де силушка великая:
«Мы охвоця ведь силушка наёмная!»
А-й зацял Хотенушко по силушки поежживатьь:
Он куды не приедёт — дак улицей валит,
Он назадь отмахнёт, дак тут — и плошшадью.
Он прыбил-де ведь силушку до единаго;
Он и трёх сыновьей всё живком схватил,

Он живком их схватил, волосами связал,
Волосами их связал — через коня бросил,
А привёз где-ка братьей да ко белу шатру.
Тут ждала Офимья силушку из чиста поля —
Не могла она дождацьсе силы из чиста поля.
Как сражалсэ Хотенушко в красен Киев-град
А везти-де деветь сынов на выкуп всех.
Поехал Хотенушко в красен Киев-град,
А повёз-де деветь сынов на выкуп всех.
А приежжает к Офимьи да к Цюсовой жены,
Он и сам говорыл дак таковы слова:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
Выкупай-ко-се да всё деветь сынов!»
Он и ткнул-де копьё дак во сыру землю,
Долгомерное ратовишше — семь сажон:
«А ты обсыпь моё копьё дак красным золотом,
Красным золотом обсыпь да чистыем серебром —
Дак отдам я тебе ноньце деветь сынов!»
Да на это Офимья-та согласиласе:
Покатили тут золото телегами,
А обсыпали копьё его долгомерное, —
Не хватило обсыпать одной четверти.
Говорыт тут Офимья Чусова жена:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовиць!
Ты возьми-ко у мня Чайну прекрасную,
Ты возьми-ко-се ей за четверть за себя взамуж!»
Согласилсэ Хотенушко сын Блудовиць:
Он взял-де Чайну прекрасную,
Он отдал деветь сынов на выкуп всех.

(Зап. А. Д. Григорьевым 15 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тярсова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.